

Прогнозы Б. Г. Ананьева и тенденции развития современной психологии

М. А. Щукина

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы,
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, 12-я линия В. О., 13а

Для цитирования: *Щукина М. А.* Прогнозы Б. Г. Ананьева и тенденции развития современной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 3. С. 258–270. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.304>

Обсуждаются прогнозы Б. Г. Ананьева о будущем психологии в связи с современными моделями развития психологической науки и практики. Подчеркивается актуальность преимущественного числа прогнозов Б. Г. Ананьева. Показаны достижения, перспективы и проблемы движения психологического знания по обозначенным им траекториям развития. В части обсуждения прогноза о повышении статуса психологии в общей системе научного знания говорится о признаках его оправданности, а также о рисках бреинизации и технологизации предмета психологии, угрозе потери его самобытности в междисциплинарных исследованиях. Рассматривается прогноз о создании новой теории психики и сознания, включая разработку системы «психических элементов». Отмечены диалогические процессы во взаимодействии школ, подходов, парадигм в психологии. В то же время указаны трудности в построении интегральных психических моделей. В обсуждении прогноза о расширении работы психологических служб поднимаются вопросы институционализации, содержательной обоснованности и этической безопасности психологической практики, решение которых важно для преодоления критического настроения в обществе в отношении психологических услуг. В этой связи показана неоднозначность прогнозов о создании научной основы проектирования личности и использовании достижений психологии для прогнозирования будущего самого человека. Их воплощение требует от психологического сообщества опоры на знание закономерностей, резервов и ресурсов человеческого развития для предложения обществу социально продуктивных проектов личностного развития, несовместимых с социальным манипулированием. Привлечено внимание к реализации прогнозов об обогащении разработок в области интеллекта: человеческого и искусственного. Наряду с преимуществами технологической интенсификации развития науки обсуждаются риски технократического редуционизма в познании человека, преодоления природы в «киборгизации» человека. Указано на противоречивость направленности развития естественного интеллекта, обострение интеллектуального расслоения в современном мире.

Ключевые слова: Борис Герасимович Ананьев, прогноз, будущее психологии, тенденции, проблемы, риски, достижения.

Борис Герасимович Ананьев не нуждается в представлении, занимая заслуженное место в плеяде титанов-строителей психологической науки, практики, образования. Однако каждая юбилейная веха, а 2017 г. отмечался научной общественностью как год 110-летия Б. Г. Ананьева, интенсифицирует историческую рефлексию

и оценку актуальности наследия ученого для современной психологии [1; 2]. В этой связи представляется важным обратить внимание на то, как сам Б. Г. Ананьев видел будущее своих идей и их роль в перспективном строительстве психологического знания. Его футурологические представления отражены в статье, включенной в посмертно изданный в 1977 г. сборник «О проблемах современного человекознания» [3] и подготовленной по материалам доклада 1969 г. на праздновании 150-летия Ленинградского госуниверситета. Б. Г. Ананьев рассматривает проблемы будущего места психологии в системе наук в целом и в человекознании, строит прогнозы развития психологии как теоретической и прикладной дисциплины. При этом автор использует метод экстраполяции актуальных для его времени тенденций в будущее. Он выстраивает объемную трансективу: описывает пройденный психологией путь, состояние современной ему психологии 1960–1970-х годов и, наконец, намечает картину ее будущего. Опираясь на имеющиеся достижения, Б. Г. Ананьев закладывает точки роста психологического знания, проектирует направления, которые должны развиваться, чтобы психология эффективнее и масштабнее решала стоящие перед ней задачи.

Этот текст не впервые привлекает внимание исследователей [2], но его футурологический потенциал вызывает особый интерес на новом витке становления психологии, когда обострилось внимание психологического сообщества к проблеме прогнозирования будущего психологии, о чем свидетельствуют следующие события последнего времени:

- пленарные выступления на состоявшихся в 2017 г. в Казани VI съезде Российского психологического общества и Форуме психологов России профессоров А. Г. Асмолова и Е. А. Сергиенко, посвященные вопросам развития междисциплинарности и межпарадигмальности в психологии ближайшего будущего [4; 5];
- серия форсайт-сессий (от *англ.* foresight — взгляд в будущее, предвидение), проводящихся на различных научных и образовательных площадках страны с 2014 г.;
- многочисленные футурологические материалы на страницах периодических изданий Института психологии РАН (ИП РАН) «Психологический журнал» и «Социальная и экономическая психология»: серия интервью о будущем психологии, проведенных Т. А. Нестиком с рядом ведущих отечественных и зарубежных исследователей (см., например, интервью с Ф. Зимбардо [6], Д. А. Леонтьевым [7], В. А. Ключаревым [8]), и дискуссия [9–15], вызванная опубликованными результатами проведенного ИП РАН в 2015 г. опроса 50 экспертов психологической науки и практики в горизонте прогнозирования к 2030 г. [16].

В статье нами поставлена цель — показать, как соотносятся прогнозы Б. Г. Ананьева с современными моделями будущего психологии, достижениями и проблемами развития современной психологической науки и практики.

Психология займет одно из важнейших мест в общей системе научного знания. Уже применительно к своей эпохе Б. Г. Ананьев отмечал, что «происходит своеобразная антропологизация и гуманизация многих областей знания» [3, с. 252], а в будущем ожидал усиления этих тенденций: «По мере поступательного развития науки психологические проблемы будут играть все большую роль. Неда-

леко то время, когда психология займет одно из важнейших мест в общей системе научного знания» [3, с. 256].

Сегодня можно говорить о целом ряде признаков оправданности такого прогноза. Науковедение отметило вступление познания в постнеклассическую эру, характерной чертой которой является антропологизм/гуманизм. «Техногенная цивилизация ныне вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска» [17]. Психологическое знание внедрено в политические, социальные, экономические, культурные технологии XXI в. [9], что придает психологии статус «конструктора социальных и культурных миров» [4]. Повышается ранг признания достижений психологической науки: Нобелевские премии по экономике, врученные Д. Канеману (2002 г.) и Р. Талеру (2017 г.), присуждены за фактически психологические исследования в области восприятия и принятия решений.

В то же время по-прежнему сохраняется определенный скепсис представителей естественных и точных наук в отношении психологии. Со времен Б. Г. Ананьева в области психологии работают только два научно-исследовательских института, грантовое финансирование психологических исследований несопоставимо с другими дисциплинами, в 2017 г. впервые после большого перерыва в действительные академики Академии наук выбран лишь один представитель психологии — А. Л. Журавлев, директор Института психологии РАН.

Успехи когнитивной науки, генетики и познания мозга не привели их к более тесной интеграции с психологией, а скорее стремятся вытеснить ее из изучаемого поля. Намечаются риски редукции предмета психологии за счет его бреинизации [4] и технологизации [8], что может привести к растворению психологического предмета в других областях науки. Междисциплинарное познание, так активно отстаиваемое Ананьевым, в современной практике «становится для психологии главным вызовом», поскольку с ростом достижений в областях искусственного интеллекта, инженерии, биоинженерии доказать право психологии на существование оказывается непросто [8, с. 202]. «Технологический прорыв в изучении нервной системы... взаимные обвинения нейробиологов и психологов в том духе, что мы разрушаем вашу науку, а вы разрушаете нашу науку... грань между традиционной психологией и новыми технологиями получения данных о работе мозга... сегодня наиболее интересны» [8, с. 196].

Выход из этого критического состояния, как ни парадоксально, видится исследователям именно в возвращении к антропологизму, поскольку именно на грани искусственного интеллекта и натурального, человеческого обнаруживаются преимущества психологического познания. Как отмечает Ключарев, «пока действительно невозможно описать человеческую психику вот этими подходами, назовем их bottom-up, снизу, от каких-то процессов элементарных... от генов, нейронов. При таком движении снизу вверх что-то до сих пор не улавливается. <...> Я думаю, что-то уникальное, что есть в психологии, то, что еще долго будут атаковать со стороны, — это, конечно, личность, сознание» [8, с. 203].

Однако возможности психологии раскрыть и отстоять свои особенности и возможности в научной среде оцениваются менее оптимистично, чем во времена Б. Г. Ананьева. К 2030 г. эксперты не видят предпосылок для наступления «психологической эры» (в терминах В. И. Вернадского) (только 12 % дают противоположную

оценку) и осторожно определяют шансы достижения психологией приоритетного места в системе наук (по мнению 94 % опрошенных) [16].

Новая теория психики и сознания. Б. Г. Ананьев отмечал важность двух основных процессов в развитии науки: дифференциации (создание все новых отраслей психологии) и интеграции (создание единой теории, единой классификации феноменов). В XX в. психология значительно разветвилась (развивалась в куст, по выражению А. Г. Асмолова) за счет выделения разнообразных частных теорий и отраслей, предназначенных для решения парциальных, узконаправленных задач. Интегративный же компонент скорее был в дефицитарном состоянии, требующем преодоления. Б. Г. Ананьев проектирует его сразу по нескольким направлениям:

- развитие наук об отдельных периодах жизни человека и наконец онтопсихологии как объединяющей отрасли знания;
- развитие дисциплин о творческой деятельности человека и наконец психологии как общей теории человеческой деятельности, ее стратегий, программ и систем действий;
- «основы новой теории психики и сознания как высших форм отражения, ориентации и регуляции человеческой деятельности» [3, с. 254];
- «единая классификация всех феноменов психического развития» [3, с. 255].
- «открытие периодического закона нашего микрокосма — классификаций психических свойств, состояний и процессов» [3, с. 255].

Современная психология сохраняет приверженность ценности интегральности, системности своего знания. В 2012 г. Американская психологическая ассоциация официально поставила перед собой задачу выхода на единую теорию в психологии. На XXXI Международном психологическом конгрессе 2016 г. (далее — XXXI конгресс) в пленарном выступлении Я. Вальсинера (J. Valsiner, Дания) была дана характеристика кризисного состояния эмпирической психологии, прозвучал призыв к интеграции и теоретическому осмыслению накопленного психологического знания [18]. В интервью о будущем психологии Д. А. Леонтьев утверждает, что «психология как самостоятельная наука сохранится, опять же при условии, если будет создана та периодическая таблица общего психологического языка, о которой мы говорили выше» [7, с. 250].

Нельзя не отметить и диалогические процессы во взаимодействии школ, подходов, парадигм в психологии, нарастающие в последние десятилетия. В пленарных докладах Е. А. Сергиенко и А. Г. Асмолова на VI съезде РПО-2017 звучали термины «проницаемость», «дополнительность», «гибридизация», «синтез», «толерантная коммуникация», призванные выразить интегративные тенденции во взаимодействии психологических подходов и школ [4; 5]. Психология перестала развиваться по отмеченному Б. М. Тепловым принципу сноса до основания здания, возведенного предшественниками. Дело пока не дошло до выработки единого языка, принимаемых всеми ее представителями теорий, постулатов и моделей. Однако есть признаки стремления к этому. «Психология сейчас движется в направлении к созданию общей периодической системы. Реальное, как мне кажется, будущее, в горизонте нескольких десятилетий, — это создание такой периодической “системы”, или системы СИ, выход на общий язык... И это не должна быть искусственная “интегральная модель”, это должно быть именно совместное сведение концов с концами в том, что есть» [7, с. 230]. Как отмечает Д. А. Леонтьев, в области пси-

хологии личности эта тенденция наметилась в 1970-х годах. С тех пор не появилось ни одной новой теории личности, исчезли абсолютные авторитеты, но стало складываться гибридное знание: «Общий язык в психологии будет строиться через последовательность таких шагов, которые должны разрешить противоречия через переход на более высокие уровни рассмотрения, усложнения теории» [7, с.231]. В отечественной психологии есть примеры появившихся в постананьевскую эпоху обобщающих моделей в области изучения психических процессов (Л. М. Веккер), сознания (В. М. Аллахвердов), деятельности (А. В. Карпов), смысловых образований (Д. А. Леонтьев) и др.

Вместе с тем трудно констатировать, что названные тенденции являются доминирующими, а интегративные планы — легкодостижимыми. В методологическом плане сохраняется сомнение, что общая теория необходима и возможна. В публикациях преобладает высокая полемичность мнений, волатильность позиций, игнорируется ориентированность научного психологического познания на истинность, формулировку законов или иных форм точного знания в сфере изучения психического. Разорванности школ и подходов в разных странах угрожает не отсутствие каналов связи, а отсутствие возможности успевать за стремительным информационным потоком и хотя бы учитывать накапливающиеся идеи и факты. Благодаря многочисленным исследованиям быстро растет феноменологическая база, но уровень осмысленности и обобщения невысок: «Действительно, данные мы получаем все более объемные, а как их интерпретировать, что с этим делать?» [8, с. 202]. Попытки решить названные задачи с помощью увеличения числа исследователей, стран-участниц, компьютеров и статистических моделей не дают пока выраженного эффекта, а порождают «опасность, что в итоге цельной картинкой открытия не владеет никто в команде» [8, с. 208].

Неясными остаются принципы и основания для построения «новой единой теории». Возможна ли она в границах «старых» постулатов или требует формулировки абсолютно новых, какова должна быть мера обобщенности теории, нужно ли стремиться к законченному числу элементов психического, каким образом сохранить открытость теории для абсорбирования новых фактов, как должна учитываться мера гибкости/жесткости законов работы и развития психического? Таковы лишь некоторые вопросы, не обнаруживающие готовности психологического сообщества к согласованному решению. Только 12 % опрошенных экспертов считают, к 2030 г. вероятно появление «большой теории» в психологии [16]. На вопрос о том, будет ли к 2030 г. в психологической науке выработана единая парадигма или эта наука останется мультипарадигмальной, 46 % респондентов ответили, что она безусловно останется мультипарадигмальной, 38 % выбрали более мягкий вариант ответа — что она скорее останется мультипарадигмальной, 14 % высказались за то, что единая парадигма будет выработана, но частные парадигмы останутся влиятельными [16].

Психологическая служба. Следующая группа прогнозов Б. Г. Ананьева касается развития не теоретической, а практической психологии. Они не очень конкретизированы, но ориентированы на расширение только зарождавшейся в 1960-х годах практики психологической помощи и постановки достижений психологической науки на службу нуждам человека.

К настоящему времени соотношение сил в академической и практической психологии изменилось. Как в мировой, так и в отечественной психологии создан широкий репертуар помогающих практик, техник, приемов, программ, накоплен значительный опыт их применения и усовершенствования. В разы выросла подготовка психологов, компетентно ориентированных на оказание психологической помощи, которая воплощается в различных масштабах (от внедренных в организационные структуры крупных психологических комплексов, например в системе МЧС, до индивидуально оказываемых частных услуг) и формах (от традиционного «кабинетного формата» до взаимодействия посредством систем телефонной, сотовой и интернет-связи). Профессия психолога перестала быть экзотической для «широкой публики», все охотнее выступающей в роли заказчика и клиента в сфере психологических услуг. Данные тенденции в ближайшее время будут только нарастать. Оценки экспертов по поводу востребованности в 2030 г. психологов-практиков в мире оптимистичны: основная часть (56 %) опрошенных полагает, что они будут востребованы несколько больше, чем сейчас, 22 % — что значительно больше, 22 % — что примерно так же, как сейчас [16].

Однако такая интенсификация роста психологической практики встречается с целым рядом рисков и трудностей. На организационном уровне это слабая институционализация, проявляющаяся в отсутствии федерального законодательства о психологической деятельности, профессиональных стандартов в значительной части сфер занятости психологов, психологических услуг в реестре профессиональной деятельности Минтруда, институциональная разобщенность контролирующих органов и принципиальная неопределенность системы учета, контроля и сертификации практикующих специалистов. На содержательном уровне это непреодоленный схизис теоретической и практической психологии (как метко выразился Ф. Е. Василюк), когда интересные теоретические предложения не находят воплощения в практике, а разнообразные практические «технологии» зачастую оказываются связанными сомнительным образом с обоснованным психологическим знанием. Отягощается ситуация и тем, что специалисты в области психологии зачастую используются для обслуживания сомнительных коммерческих, социальных и военных заказов, приводящих к явлениям роботизации человека, преодолению спонтанности и свободы человека в интересах социального управления и манипуляции. Как следствие, в обществе, наряду с интересом к психологии и потребностью в психологических услугах, наблюдается падение доверия к психологам, а в профессиональной психологической среде — размывание профессиональной идентичности. Например, во время форсайт-сессии на базе Высшей школы экономики при обсуждении проблемы доверия было выдвинуто парадоксальное решение: повышать востребованность психологов за счет предложения клиентам надежных психологических технологий через легенду, «под чужим брендом», т. е. без упоминания психологии [19].

Психологическое знание перешагнуло границы корпоративной закрытости и стало достоянием любого заинтересованного пользователя. Однако технологизация и популяризация психологических достижений привели к возникновению иллюзии легкости их использования, породили эффекты упрощения психической и жизненной реальности в поп-психологии [4], вульгаризации психологического тестирования («психологический тест» в каждом номере любого глянцевого жур-

нала), доступности сугубо профессионального (зачастую клинико-психологического) диагностического инструментария. Легкодоступное психологическое знание без этических ограничений его профессиональных носителей стало использоваться для достижения целей, несовместимых с психологическим благополучием и развитием, например при организации групп смерти в интернет-среде. Все это ставит перед профессиональным сообществом проблему повышения «пользовательской компетенции потребителя» психологического знания: «Необходимо обучать не только психологов, но и вообще каждого человека управлению своей временной перспективой» [6, с. 218]. В области практики «наша задача — помочь человеку жить в достаточно неопределенном, неоднозначном, вариативном мире... По сути дела, она (психология. — М. Ш.) больше направлена на развитие мудрости, чем на развитие знания, в том числе и через понимание относительности любого знания» [7, с. 249].

Создание научной основы проектирования личности. Научным основанием для эффективной и продуктивной работы психологической практики можно считать прогнозируемое Б. Г. Ананьевым направление проектирования личности, которое должно быть основано на знании закономерностей, резервов и ресурсов человеческого развития.

Данные идеи остро востребованы сегодня. Предмет психологии личности значительно расширен за счет внимания не только к механизмам самоидентификации и устойчивости личностных образований, но и к механизмам, учитывающим подвижность, текучесть и изменчивость личностной природы (А. Г. Асмолов, Л. А. Головей, Н. В. Гришина, Д. А. Леонтьев, В. А. Петровский, Е. А. Сергиенко М. А. Шукина и др.). В неустойчивом, быстро меняющемся современном мире фокус исследований значительно смещается к возможностям трансформаций личности в течение всего жизненного пути. Более того, важной становится идея не просто постоянного развития, но и саморазвития личности, что вытекает из нарастающего значения персонального фактора в развитии личности (наряду с ранее более активно излучавшимися факторами наследственности и среды). Психологов интересуют возможности личности по самопроектированию и самостроительству, в которых реализуется не только адаптивный, но и наадаптивный личностный потенциал. Внимание к механизмам саморазвития личности открывает путь к эффективному построению личностью стратегии жизнестроительства — актуальной задаче современности. По мнению экспертов, к 2030 г. среди прогнозов новых направлений психологии упрочатся психология моделирования жизни и технологии личностного саморазвития [16]. В 2016 г., на XXXI конгрессе, сразу ряд программных выступлений был посвящен названным темам. В пленарном докладе М. Дуарте (М. Е. Duarte, Португалия) обсуждалась парадигма дизайна жизни, которая, по словам выступавшего, наилучшим образом подходит для описания целей и объяснения поведения в контексте всего жизненного пути личности [18].

В то же время нельзя не отметить, что ориентация человека на саморазвитие есть следствие часто вынужденной растерянности ввиду отсутствия четких и согласованных социальных нормативов, целей, ценностей. В доминирующей идеологии постмодерна человек оказывается в ситуации необходимости самостоятельно моделировать свой образ жизни, вырабатывать критерии принятия жизненно важных решений [13]. Это ведет за собой риски выхода самостоятельно разрабатыва-

емых «проектов» жизни в направлении деструктивности, девиантности и делинквентности. В этой ситуации трудно не согласиться с Ф. Зимбардо: «Социальная психология могла бы более активно использоваться в социальном инжиниринге» [6, с. 216].

Современная психология должна более активно искать ответы на вызовы реальности, предлагая социально продуктивные проекты личностного развития, несовместимые с социальным манипулированием, а строящиеся с учетом индивидуальных личностных устремлений и ресурсов. Это диктует интерес к знаниям, способствующим работе человека в направлении реализации личностного потенциала и укрепления жизнестойкости [7]. Обращает на себя внимание рост психологических исследований жизнеспособности (А. В. Махнач, Л. Г. Дикая и др.), противостояния эмоциональному выгоранию, посттравматического роста (М. А. Падун, Н. В. Тарабрина и др.) и психологического благополучия (Л. А. Головей, Р. М. Шамионов и др.). В частности, на XXXI конгрессе в выступлении С. Хобфолла (S. E. Hobfoll, США) было привлечено внимание к результатам исследования влияния травматических ситуаций (террористических атак, массовых конфликтов, войн) на психику, дающих основание для утверждения перспективности такого направления психологии, как психология человеческой выносливости (psychology of human strength) [18]. Там же в докладе К. Рифф (C. Ryff, США) были рассмотрены достижения и планы изучения эвдемонического благополучия, строящегося не на принципе удовольствия, а в результате опыта личностного усилия, преодоления трудностей и противостояния вызовам современной жизненной ситуации [18].

Психология для прогнозирования будущего самого человека. Изучение ресурсов человеческого развития. Частью работы по проектированию личности может рассматриваться изучение природы человека для создания психологически обоснованных проектов и прогнозов его поведения и развития: «Сейчас наступает то время, когда научное исследование закономерностей психического развития человека, психологических свойств его личности становится необходимым условием дальнейшего совершенствования всех форм, методов и средств работы с людьми» [3, с. 256]. При этом Б. Г. Ананьев обращает внимание, что психологическое знание о резервах и ресурсах самого человеческого развития необходимо для общественного развития. «Наука лишь приближается к исследованию взаимозависимостей потенциальных сил человеческого развития, но уже сейчас ясно, что можно повысить, например, уровень жизнеспособности человека» [3, с. 256]. Такого рода знание, был убежден Б. Г. Ананьев, — залог не только личного, но и общественного благополучия.

Сегодня можно констатировать несомненно высокий интерес психологов к проблемам прогнозирования поведения и потенциалов развития. Со времен Б. Г. Ананьева сделаны значительные шаги в разработке психодиагностического инструментария и методик анализа поведения, применение которых служит материалом для прогнозирования в работе кадровых и экспертных психологических служб, маркетинговых исследованиях в бизнес-среде и работе по обнаружению и нейтрализации противоправного/враждебного поведения силовыми ведомствами. Стремительно разворачиваются исследования по анализу поведения пользователей в интернет-среде и других «цифровых следов» в жизни современного человека [16]. Это позволяет давать достаточно точные прогнозы потребительского или

иногое социального поведения. Компьютерным программам сегодня достаточно информации о сделанных человеком в Facebook 70 лайках, чтобы предсказать его политические предпочтения, отношение к здоровью и алкоголю точнее, чем это делают его сослуживцы, а информация о 300 лайках позволяет делать это лучше, чем его супруг [20]. Отслеживание триангуляции положения и перемещения человека посредством систем GPS, семантический анализ SMS, интернет-запросов и постов в сетях — все это уже сегодня позволяет более точно оценивать некоторые психологические характеристики человека, чем с помощью стандартизированных психологических опросников [21].

Есть основание ожидать, что данное направление психологических исследований будет только расширяться. Это усиливает требования к этической ответственности владельцев таких данных, поскольку создает риски разрушения пространства психологической приватности жизни человека и использования информации о нем в манипулятивных целях.

Парадоксальность проблемы интеллекта. Среди конкретных задач психологической науки наиболее детально рассмотрены Б. Г. Ананьевым [3] проекты изучения интеллекта: человеческого и искусственного. Сегодня это два крупных бурно развивающихся и перспективных направления исследования.

Крайне динамична сфера разработок в области искусственного интеллекта, внедряемого во все более широкий контекст не только промышленного, военного, но и социального строительства. Среди прогнозов российских экспертов в этой области — расширение возможностей киберпсихологии в развитии психодиагностического арсенала психологии [13] и становление как самостоятельной отрасли психологии виртуальной и дополненной реальности [16]. Особенно важна вовлеченность психологов в разработку роботизированных андроидов и проблему «коммуникации» с ними. На XXXI конгрессе пленарный доклад М. Асада (M. Asada, Япония) затронул проблему искусственной эмпатии, а также состоялся отдельный симпозиум, посвященный социально-психологическим аспектам взаимодействия людей с андроидами и проблемам трансгуманизма [18].

Наряду с ростом возможностей, технологическая интенсификация является зоной постоянной тревоги психологического сообщества. Речь идет о риске технологического редукционизма, когда ставится под сомнение уникальность человеческой природы и реализуется стремление к ее изменению через технические средства («киборгизация» человека). При развитии «технологий робототехники, генной инженерии, нейронаук возникают вопросы о том, где находятся те границы, до которых мы можем пойти, применяя эти технологии для совершенствования человеческих способностей?» [13]. Вопреки прогрессивным ожиданиям мир искусственного интеллекта вызывает у человека целый ряд технофобий при столкновении с открытиями в области микромира нанотехнологий, синтезированной пищи, самоуправляемых автомобилей, технологий телеприсутствия и интернет-слежения [16].

Вышесказанное обостряет значение развития интеллекта человека. Однако наблюдения и прогнозы специалистов в этой сфере противоречивы. С одной стороны, вдохновляют успехи в области образовательной практики: программы, проекты и технологии поддержки интеллектуальной одаренности и компенсаторного развития нарушений интеллекта. С другой стороны, контекст для реализации интеллектуального потенциала становится все более обедненным. Примитивиза-

ция массовой культуры и «расцвет» культуры нулевого времени, технологизация многих видов деятельности обесценивают интеллектуальные усилия человека, не побуждают к раскрытию интеллектуального потенциала. Технологии — обоюдоострый меч, ибо перепрограммируют жизнь, замечает Ф. Зибардо: «Видеоигры и порнография приучают нас быть потребителями, а не творцами» [6, с. 217].

Иными словами, наблюдается дифференциация темпов и уровней интеллектуального развития, в том числе за счет психопатологических тенденций. Д. А. Леонтьев называет это явление феноменом «расслоения человека», когда перед каждым становится выбор: развитие или наименьшее сопротивление. «Сейчас спорят, сколько процентов мощности своего мозга используются людьми, 3 или 10 %. Так вот для огромного количества людей и трех процентов много, избыток. А для других и пятидесяти процентов мало! Самое важное, что происходит в результате, очень сильная поляризация... умные становятся умнее, глупые становятся глупее» [7, с. 234].

* * *

Обращение современных психологов к сложным задачам построения моделей будущего психологической науки и практики, а также поиск средств для их реализации требуют от современного психологического сообщества противостояния целому ряду вызовов и рисков, возникающих на этом пути. В этой связи обретают особую актуальность примеры психологического наследия, где были заложены истоки такого движения. Среди них особая роль принадлежит футурологическим построениям Б. Г. Ананьева, где на высоком уровне интеграции идей и ценностей, теории и практики, психологического и научного знания в целом были обозначены векторы прогрессивного развития психологии. Значительная часть этих прогнозов в силу их крайней масштабности, сложности и многоаспектности реализована не в форме конкретных достижений, а как комплекс целого ряда психологических отраслей, направлений и проектов, за перспективным развитием которых остается будущее психологии.

Литература

1. Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В. Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. № 5. С. 108–117.
2. Логинова Н. А. Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во ИП РАН, 2016. 366 с.
3. Ананьев Б. Г. Будущее психологии // О проблемах современного человекознания. 2-е изд. СПб.: Питер, 2001. С. 250–256.
4. Асмолов А. Г. Будущее психологии или психология без будущего: взлет и нищета междисциплинарности // Психологическая газета. URL: <https://psy.su/feed/6368/> (дата обращения: 18.02.2018).
5. Программа: Всероссийский психологический форум. Съезд российского психологического общества. 5–7 октября 2017 г. // Российское психологическое общество. URL: http://рпо.рф/congress/2017/doc/programm_forum_Kazan_2017.pdf (дата обращения: 18.02.2018).
6. Интервью с Филиппом Зибардо о будущем социальной психологии // Социальная и экономическая психология. 2017. № 1. С. 214–219.
7. Интервью с Д. А. Леонтьевым о будущем социальной психологии // Социальная и экономическая психология. 2017. № 3. С. 228–251.
8. Интервью с В. А. Ключаревым о будущем психологии // Социальная и экономическая психология. 2017. № 4. С. 196–223.

9. Анципов А. Я., Кандыбович С. Л. Проблемы прогноза развития психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 4. С. 109–114.
10. Жалагина Т. А., Короткина Е. Д. Психологическая наука к концу третьего десятилетия XXI века: стратегии развития // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 5. С. 103–104.
11. Мазилев В. А. Психология: взгляд в будущее // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 5. С. 97–102.
12. Мироненко И. А. От прогноза — к форсайту будущего российской психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 3. С. 119–123.
13. Попов Л. М., Насибуллов К. И., Устин П. Н. Проблемы российской психологии и пути их решения // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 4. С. 115–118.
14. Сергеева А. С., Сергеев С. Ф. Психологическая наука на границе с технологической сингулярностью // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 3. С. 124–128.
15. Чернышев А. С., Сарычев С. В., Елизаров С. Г., Лобков Ю. Л., Беспалов Д. В. О некоторых основаниях прогноза развития психологической науки и практики // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 6. С. 110–114.
16. Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 5. С. 45–64.
17. Стёпин В. С., Горюхов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1996. 399 с.
18. Бессонова Ю. В., Кубрак Т. А., Нестик Т. А., Барабанищикова В. В. XXXI Международный психологический конгресс // Психологический журнал. 2017. № 2. С. 133–138.
19. Будущее психологии бизнеса. Форсайт-сессия «Психология бизнеса—2024» Высшей школы экономики // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://social.hse.ru/psy/psbus/news/113279395.html> (дата обращения: 18.02.2018).
20. Youyou W., Kosinski M., Stillwell D. Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans // PNAS. 2015. Vol. 112, N 4. P. 1036–1040.
21. Lambiotte R., Kosinski M. Tracking the Digital Footprints of Personality // Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE). 2014. Vol. 102, N 12. P. 1934–1939.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2018 г.

Статья принята к публикации 31 мая 2018 г.

Контактная информация:

Щукина Мария Алексеевна — д-р психол. наук, проф.; corr5@mail.ru

B. G. Ananyev's forecasts and modern psychology trends

M. A. Shchukina

St. Petersburg state institute of psychology and social work, 13A, 12 line of V.I., 199178, St. Petersburg, Russian Federation

For citation: Shchukina M. A. B. G. Ananyev's forecasts and modern psychology trends. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 2018, vol. 8, issue 3, pp. 258–270. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.304>

B. G. Ananyev's forecasts about the future of psychology in connection with modern models of the development of psychological science and practice are discussed. The relevance of a primary number of forecasts of B. G. Ananyev is emphasized. Achievements, prospects, and problems of the movement of psychological knowledge of the development trajectories designated by it are shown. Regarding the discussion of the forecast about an increase in the status of psychology in the general system of scientific knowledge it is told about signs of its correctness, but also about risks of a breinization and technologization of a subject of psychology, threat of loss of its originality in cross-disciplinary researches. The forecast for the

creation of the new theory of psyche and consciousness, including the development of the system of “mental elements” is considered. Dialogical processes in the interaction of schools, approaches, paradigms in psychology are noted. At the same time difficulties in the creation of integrated mental models are specified. In the discussion of the forecast about the expansion of work of psychological services questions of an institutionalizing, substantial validity and ethical safety of psychological practice which solution is important for overcoming a critical spirit in society concerning psychological services are brought up. In this regard ambiguity of forecasts about the creation of a scientific basis of the design of the personality and about use of achievements of psychology for forecasting of future person is shown. Their embodiment demands from a psychological community of support on knowledge of regularities, reserves, and resources of human development for the offer to society of socially productive projects of personal development not compatible with social manipulation. The attention is drawn to the implementation of forecasts about the enrichment of developments in the field of intelligence: human and artificial. Along with the advantages of a technological intensification of development of science risks of technocratic reductionism in a knowledge of the person, overcoming the nature of “kiborgization” of the person are discussed. It is a specified discrepancy of the orientation of the development of natural intelligence, aggravation of intellectual stratification in the modern world.

Keywords: Boris Gerasimovich Ananyev, forecast, future of psychology, tendency, problem, risks, achievements.

References

1. Golovei L. A., Zhuravlev A. L., Tarabrina N. V. B. G. Anan'ev i mezhdistsiplinarye issledovaniia v psikhologii (k 110-letiiu so dnia rozhdeniia) [B. G. Anan'ev and interdisciplinary researches in psychology (to 110-th anniversary)]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, no. 5, pp. 108–117. (In Russian)
2. Loginova N. A. *Antropologicheskaya psikhologiya Borisa Anan'eva* [Anthropological psychology of Boris Ananyev]. Moscow, IP RAN Publ., 2016. 366 p. (In Russian)
3. Anan'ev B. G. Budushchee psikhologii [The future of psychology]. *O problemakh sovremennogo chelovekovedeniia* [On the problems of modern human consciousness]. 2nd ed. St. Petersburg, Piter Publ., 2001, pp. 250–256. (In Russian)
4. Asmolov A. G. Budushchee psikhologii ili psihologiya bez budushchego: vzlet i nishcheta mezhdistsiplinarnosti [Psychology's future or psychology without a future: the rise and poverty is a multidisciplinary approach]. *Psikhologicheskaya gazeta* [Psychological newspaper]. URL: <https://psy.su/feed/6368/>. (In Russian)
5. Programma: Vserossiiskii psikhologicheskii forum. S'ezd rossiiskogo psikhologicheskogo obshchestva [Program: All-Russian psychological forum. Congress of the Russian psychological society]. 5–7.10.2017. *Rossiiskoe psihologicheskoe obshchestvo* [Russian psychological society]. Available at: http://rpo.rf/congress/2017/doc/programm_forum_Kazan_2017.pdf. (In Russian)
6. Interv'iu s Filippom Zimbardo o budushchem social'noi psikhologii [The interview with Philip Zimbardo about the social psychology future]. *Social'naia i ekonomicheskaya psikhologiya* [Social and economic psychology], 2017, no. 1, pp. 214–219. (In Russian)
7. Interv'iu s D. A. Leont'evym o budushchem social'noi psikhologii [Interview with D. A. Leontiev about the social psychology future]. *Social'naia i ekonomicheskaya psikhologiya* [Social and economic psychology], 2017, no. 3, pp. 228–251. (In Russian)
8. Interv'iu s V. A. Klyucharevym o budushchem psikhologii [Interview with V. A. Klucharev about the psychology future]. *Social'naia i ekonomicheskaya psikhologiya* [Social and economic psychology], 2017, no. 4, pp. 196–223. (In Russian)
9. Ancupov A. Ya., Kandybovich S. L. Problemy prognoza razvitiia psikhologii [Forecast problems of psychology development]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, no. 4, pp. 109–114. (In Russian)
10. Zhalagina T. A., Korotkina E. D. Psikhologicheskaya nauka k kontsu tret'ego desiatiletiia XXI veka: strategii razvitiia [Psychological science to the end of the third decade, XXI century: development strategies]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, no. 5, pp. 103–104. (In Russian)

11. Mazilov V. A. Psikhologiya: vzgliad v budushchee [Psychology: a view to the future]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, no. 5, pp. 97–102. (In Russian)
12. Mironenko I. A. Ot prognoza — k forsaitu budushchego rossiiskoi psikhologii [From the forecast to a foresight of the future of russian psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, no. 3, pp. 119–123. (In Russian)
13. Popov L. M., Nasibullov K. I., Ustin P. N. Problemy rossijskoj psikhologii i puti ih resheniya [Problems and ways of their solution in russian psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, no. 4, pp. 115–118. (In Russian)
14. Sergeeva A. S., Sergeev S. F. Psikhologicheskaja nauka na granitse s tekhnologicheskoi singuliarnost'iu [Psychology on the brink of technological singularity]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, no. 3, pp. 124–128. (In Russian)
15. Chernyshev A. S., Sarychev S. V., Elizarov S. G., Lobkov YU. L., Bepalov D. V. O nekotorykh osnovaniakh prognoza razvitiia psikhologicheskoi nauki i praktiki [On some bases for prognosis of psychological science And pr actice development]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, no. 6, pp. 110–114. (In Russian)
16. Zhuravlev A. L., Nestik T. A., Yurevich A. V. Prognoz razvitiia psikhologicheskoi nauki i praktiki k 2030 g. [The forecast of psychological science and practice development by 2030]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2016, no. 5, pp. 45–64. (In Russian)
17. Styopin V. S., Gorohov V. G., Rozov M. A. *Filosofija nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology]. Moscow, Gardariki Publ., 1996. 399 p. (In Russian)
18. Bessonova Yu. V., Kubrak T. A., Nestik T. A., Barabanshchikova V. V. XXXI Mezhdunarodnyi psikhologicheskii kongress [XXXI International Psychological Congress]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, no. 2, pp. 133–138. (In Russian)
19. Budushchee psikhologii biznesa. Forsait-sessija «Psikhologiya biznesa—2024» Vysshei shkoly ekonomiki [The future of business psychology. Foresight session “Psychology of business—2024” of Higher school of Economics]. *National Research University Higher School of Economics*. Available at: <https://social.hse.ru/psy/psbus/news/113279395.html> (accessed: 18.02.2018). (In Russian)
20. Youyou W., Kosinski M., Stillwella D. Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans. *PNAS*, 2015, vol. 112, no. 4, pp. 1036–1040.
21. Lambiotte R., Kosinski M. Tracking the Digital Footprints of Personality. *Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE)*, 2014, vol. 102, no. 12, pp. 1934–1939.

Author's information:

Mariia A. Shchukina — Dr. Sci. in Psychology, Professor; corr5@mail.ru